

УДК 13(47)
ББК 87.3(253-693)

Елена Аркадьевна Тахо-Годи

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН; профессор кафедры истории русской литературы; ведущий научный сотрудник, Россия, Москва, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

**Вл. Соловьёв и русский символизм:
концепция А.Ф. Лосева и актуальные практики анализа¹**

Аннотация. Проблема «Владимир Соловьёв и русский символизм» рассмотрена сквозь «призму» суждений одного из последних «соловьёвцев» XX столетия – Алексея Федоровича Лосева (1893–1988). В ходе анализа выявлено, что для исчерпывающего понимания лосевских суждений о символизме и Соловьёве конца 1980-х гг., когда мыслителем создавалась книга «Владимир Соловьёв и его время», необходим учет всего корпуса текстов Лосева, прежде всего текстов 1920–1930-х гг. (о неоплатонизме, имяславии, Дионисии Ареопагите, Николае Кузанском и т.д.). Показано, что освоение наследия Соловьёва и русского символизма ведётся Лосевым с позиций его собственной антиномико-диалектической системы, что позволяет ему рельефнее очертить диалектику соловьёвского антиномико-синтетического символизма и продемонстрировать как схождения, так и принципиальные расхождения с современниками и наследниками – философами (Л.М. Лопатин, Е.Н. Трубецкой, Э.Л. Радлов, сам Лосев) и символистами (А.Л. Волынский, В.И. Иванов, Д.С. Мережковский и др.). Дан анализ лосевской точки зрения на «спецификум» диалектики Соловьёва. Специфика лосевского подхода к рассмотрению русского символизма определяется через его диалектику символа, которая оказывается тем коррелятом, с помощью которого Лосев диагностирует степень близости или отдаления от идей Соловьёва конкретных русских символистов. Лосевский подход к проблемно-тематическому полю, связанному с антиномизмом, может быть использован в современных практиках анализа роли антиномизма в дискурсе русского символизма в его двух izvodaх – литературно-художественном и философском.

Ключевые слова: антиномико-диалектическая система А.Ф. Лосева, антиномико-синтетический символизм Вл. Соловьёва, учение о Софии, всеединство, символическая мифология, русский символизм, диалектика символа

Elena Arkadevna Takho-Godi

M.V. Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science; Professor, Department of History of Russian Literature, M.V. Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, e-mail: takho-godi.elena@yandex.ru

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00248, <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>. The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (IWL RAS) funded by a grant from the Russian Science Foundation (RSF, Project No. 24-18-00248 <https://rscf.ru/project/24-18-00248/>)

Vladimir Solovyov and Russian symbolism: Aleksei F. Losev's concept and current analysis practices

Abstract. The problem of “Vladimir Solovyov and Russian symbolism” is considered in the article through the “prism” of the judgments of one of the last “Solovyov’s follower” of the twentieth century – Aleksey Fedorovich Losev (1893–1988). During the analysis, it was revealed that for an exhaustive understanding of Losev’s judgments about symbolism and Solovyov in the late 1980s, when the thinker created the book “Vladimir Solovyov and his Time”, it is necessary to take into account the entire corpus of Losev’s texts, primarily in the 1920s and 1930s (about Neoplatonism, name-glorification [imiaslavie], Dionysius the Areopagite, Nicholas of Cusa, etc.). It is shown that the development of Solovyov’s legacy and Russian symbolism is conducted by Losev from the point of his own antinomic-dialectic system, which allows him to outline the dialectic of Solovyov’s antinomic-synthetic symbolism more clearly and demonstrate both convergence and fundamental differences with contemporaries and followers – philosophers (Lev Lopatin, Eugene Trubetskoj, Ernest Radlov, Losev himself) and symbolists (Akim Volynsky, Vycheslav Ivanov, Dmitry Merezhkovsky, etc.). Losev’s point of view on the “specificum” of Solovyov’s dialectic – his doctrine of Sophia and “all-unity”, mystical in spirit and symbolic in structure – is analyzed. The specificity of Losev’s approach to Russian Symbolism is determined by his dialectic of the symbol, which turns out to be the correlate by which Losev diagnoses the degree of closeness or distance to Solovyov’s ideas of specific Russian Symbolists. Losev’s approach to the problem-thematic field associated with antinomianism can be used in modern practices of analyzing the role of antinomianism in the discourse of Russian symbolism in its two versions – literary and philosophical.

Key words: Aleksei F. Losev’s antinomico-dialectic system, Vladimir Solovyov’s antinomico-synthetic symbolism, doctrine of Sophia, all-unity, symbolic mythology, Russian symbolism, dialectics of the symbol

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.4.081-092

Проблема «Вл. Соловьев и символизм» лишь кажется вполне изученной. Рассмотрение ее в полемическо-диалогическом контексте – сквозь «призму» суждений о Владимире Соловьеве одного из последних «соловьёвцев» XX столетия Алексея Федоровича Лосева (1893–1988) – демонстрирует актуальность дальнейшего ее исследования и новые практические возможности ее анализа.

На первый взгляд, тема «Владимир Соловьев в восприятии А.Ф. Лосева» также разработана досконально. Здесь следует назвать и три версии книги самого А.Ф. Лосева о Вл. Соловьеве – 1983, 1990 и 2000-х годов², и публикации на эту тему, первые из которых появились уже в начале 1990-х гг.: в 1991 году рецензия С.С. Хоружего на книгу «Владимир Соловьев и его время» под названием «Проводы русского идеализма» в «Литературной газете»³, в 1992 году

² См.: Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. М.: Мысль, 1983. 206 с. [1]; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / послесл. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1990. 720 с. [2]; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. 614 с. [3]; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. 616 с. [4].

³ См.: Хоружий С.С. Проводы русского идеализма: Размышления на полях книги А.Ф. Лосева «Владимир Соловьев и его время» // Литературная газета. 1991. № 37, 18 сент. С. 13 [5].

статья Е.Б. Рашковского «Лосев и Соловьев» в № 4 журнала «Вопросы философии»⁴. И далее можно насчитать не один десяток публикаций на эту тему. Исследователи выявляли в текстах Лосева традиции философии всеединства, философии любви, философских начал цельного знания, «Трех разговоров» Соловьева; сопоставляли воззрения обоих мыслителей на миф и воображение как условия личностной идентификации, на трагизм и утопизм, на проблему конституирования мира и зла в природном бытии, на идею покорения природы; описывали платонические истоки их эстетических воззрений, их отношение к проекту правового государства, к «теургическому проекту» в философии искусства, к софиологии и платоновской теории идей и т.д.⁵ Правда, надо сказать, что в основном все эти публикации относятся к 1990–2000-м годам, и за последние десять лет новых специальных работ о творческих взаимосвязях этих двух философов, насколько нам известно, не появлялось. Видимо, историкам философии показалось, что вопрос исчерпан. Теперь эта «пауза» прервана последним выпуском журнала «Соловьёвские исследования»⁶, где вышли материалы соловьевской секции, проходившей в 2023 г. в рамках XVIII «Лосевских чтений» – «Поминайте учителей и наставников ваших...» К 130-летию А.Ф. Лосева»⁷.

Однако, с нашей точки зрения, до сих пор не уделено должного внимания лосевскому пониманию роли Соловьева в становлении русского символизма как литературного направления и его отдельных представителей. Попробуем сделать первые подступы к решению этой проблемы, опираясь, прежде всего, на наиболее полную версию лосевской книги «Владимир Соловьев и его время», в конце которой имеется раздел, посвященный взаимосвязям Соловьева и символистов⁸. Напомним, что этот раздел включает в себя 7 параграфов: вступительный «Вл. Соловьев и русский символизм», далее – «Вл. Соловьев в оценке Валерия Брюсова, Константина Бальмонта и Александра Блока», «Вл. Соловьев в оценке Вячеслава Иванова», «Вл. Соловьев в оценке Андрея Белого», «Вл. Соловьев в оценке Г.И. Чулкова и Д.С. Мережковского», «Развенчание Вл. Соловьева у А.Л. Волынского» и, наконец, заключительный – «Сводка предыдущего». Причем все эти 7 параграфов занимают всего 20 страниц. Следует обратить внимание и на то, что этот раздел не входит в основной текст книги: включающая его глава «Эстетика и литературная критика» – это часть Приложения к книге, озаглавленного «Этика. От социально-

⁴ См.: Рашковский Е.Б. Лосев и Соловьев // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 141–150 [6].

⁵ См.: Алексей Федорович Лосев: Библиографический указатель: к 120-летию со дня рождения / сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко; отв. за вып. В.В. Ильина; под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого / Спецвыпуск Бюллетеня Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева» (Вып. 17). М.: Дизайн и полиграфия, 2013. 344 с. [7].

⁶ См., например: Корнилов С.В. Вл. Соловьев и его время в оценке А.Ф. Лосева // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82) С. 22–34 [8].

⁷ См.: Червяков Н.А. Обзор XVIII Лосевских чтений «Поминайте учителей и наставников ваших...» (К 130-летию А.Ф. Лосева) // Сретенское слово. 2023. № 4. С. 135–151 [9].

⁸ См.: Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. С. 580–600.

исторического утопизма к апокалиптике». Специально акцентировать на этом внимание важно, так как это самым наглядным образом свидетельствует о тезисном характере данного раздела. К сожалению, у автора этой книги не было возможности подробнее рассмотреть все эти аспекты, так как книга писалась в последние годы лосевской жизни и вышла посмертно, а ее замысел не был до конца воплощен, несмотря на видимую завершенность.

Помимо тезисности и отсутствия детальной прорисовки, разделу о Соловьеве и символизме присуща та вообще свойственная поздним работам философа недоговоренность или иносказательность, которая не только неискушенного читателя, но и профессионального исследователя зачастую ставит в тупик, смущает или ведет по ложному пути.

Именно на подобного типа пассаже из данного раздела мы и предлагаем сконцентрироваться. Поэтому, сознательно не касаясь лосевского разбора отношения к Соловьеву самих символистов, остановимся на вводном фрагменте вступительного параграфа «Вл. Соловьев и русский символизм». В начале него Лосев констатирует, что «может быть, самой интересной проблемой в области литературно-эстетической деятельности Вл. Соловьева является проблема его отношения к русскому символизму или, точнее сказать, проблема отношения русских символистов к Вл. Соловьеву» [4, с. 580]⁹. Далее он утверждает, что Соловьев «является глубоким и ярким символистом уже в своей ранней молодости и, в частности, в своих обеих диссертациях» (с. 580). Но почему, по Лосеву, Соловьев является символистом «за 20 лет до появления первых русских символистов» (с. 580)? Потому, отвечает философ, что «за 20 лет до появления первых русских символистов Вл. Соловьев создал свое учение о всеединстве» (с. 580–581). И затем идет следующее разъяснение, которое только внешне, если над ним не задумываться, звучит вполне понятно. Лосев пишет: «Такого рода учение [т.е. о всеединстве. – *Е.Т.-Г.*] с полным правом можно назвать символизмом, и русские символисты не создали ничего нового в этом отношении, да здесь ничего нового и вообще нельзя создать. Так обстоит дело, если рассуждать принципиально. Однако возникает совсем другая картина, если от принципа мы обратимся к истории воплощения этого принципа» (с. 581). А потом Лосев переходит к конкретике, к тому, что «первые признаки символизма можно находить еще у Н. Минского в 80-х годах и еще у Д.С. Мережковского в начале 90-х годов» (с. 581).

При всей внешней ясности, по сути, перед нами текст, требующий пояснений и истолкования. Выходит, Соловьев создает учение о «всеединстве», оно есть не что иное, как символизм, и в сравнении с Соловьёвым русские символисты не создали ничего нового, потому что, если рассуждать принципиально, «здесь ничего нового и вообще нельзя создать». И только если от некоего принципа «мы обратимся к истории воплощения этого принципа», то возникает совсем другая картина. Однако, о каком принципе идет речь, никак не уточня-

⁹ Далее ссылки на этот источник в тексте будут даны в круглых скобках с указанием только страниц.

ется. Если речь идет о принципе всеединства, то и тогда не вполне понятно, если «здесь ничего нового и вообще нельзя создать», в чем заслуга Соловьева?

Чтобы этот пассаж стал действительно понятен, необходимо обратить внимание на то, что через лосевскую книгу о Соловьеве проходит один очень принципиальный лейтмотив: Лосев все время оценивает философию Соловьева с точки зрения проблемы ее завершенности/незавершенности. При этом для него оказывается принципиальным подчеркивать то, что при разговоре о соловьевской философии правильнее говорить именно об «исканиях» мыслителем целостности, а не о завершенности этого процесса. Вместе с тем, по мнению Лосева, «противоречивость имела для Вл. Соловьева глубочайший жизненный смысл и оказалась одной из самых существенных сторон его философского развития» (с. 128). Лосев последовательно проводит мысль, что завершенность и цельность достигаются благодаря самому соловьевскому методу – его антиномико-синтетическому символизму, противостоящему кантовской диалектике как «разоблачительнице иллюзий» (с. 179), т.е. противоречий разума. Именно синтез позволяет Соловьеву снять, казалось бы, неразрешимые противоречия – социальные, исторические, богословские.

Такая интерпретация наследия Соловьева Лосевым заставляет обратить особое внимание на собственную лосевскую антиномико-диалектическую систему, с позиций которой и ведется освоение им наследия и Соловьева, и русского символизма. Как представляется, без учета этого нельзя адекватно понять не только лосевское отношение к Соловьеву и к русскому символизму в целом, но и саму проблему «Вл. Соловьев и русский символизм».

В предисловии к книге Лосева «Учение о стиле» К.В. Зенкин пишет: «Вслед за П.А. Флоренским Лосев утверждает диалектико-антиномический метод осмысления художественных реальностей» [10, с. 17]. Однако, конечно, для Лосева П.А. Флоренский лишь один из последних и ближайших хронологически образцов. Кроме того, не будем забывать, что в своем главном труде «Столп и утверждение Истины» П.А. Флоренский осознанно проводил размежевание между своим философским методом и методом Соловьева, когда писал по поводу соловьевского «всеединства»: «... все наше сочинение, состоящее по духу антиномичности против примирительной философии Вл. Соловьева»¹⁰. Как представляется, такая позиция очень далека от лосевской¹¹.

В еще не опубликованных до сих пор тезисах лосевского доклада 1933 г. «Диалектический метод», посвященного истории диалектики от ее истоков до конца XIX столетия, хотелось бы обратить особое внимание на два момента. Во-первых, Лосев подчеркивает, что любые диалектические триады, совмещающие противоположности, в сущности, можно свести к исходной триаде: одно – иное (многое) – целое. Однако – и это во-вторых – существуют различные си-

¹⁰ См.: Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017. С. 605 [11].

¹¹ Ср.: Гравин А.А. *Самое само* как методологический и языковой принцип философии всеединства А.Ф. Лосева // Платоновские исследования. 2021. Вып. 14, ч. 1. С. 215–225 [12].

стемы диалектики, их типы (стили): одни дают цельную систему (как Гегель), развиваются на природном, или духовном, или социальном бытии, одни бывают позитивные и даже материалистические (как марксизм), другие – мистические и символические (как Дионисий Ареопагит), и все они развертываются в истории диалектики так же, как и сама история имеет свою диалектику¹². В работе «Самое само», обращаясь к Дионисию Ареопагиту, Лосев скажет, что Ареопагит, «обладая колоссальной мощью антиномико-синтетических устремлений», настолько занят общением с Абсолютом, настолько погружен в «музыкально-риторические волны своих гимнов», что ему не до забот о категориях – он «просто только воспеваает высшее бытие со всеми его антиномиями и синтезами в такой непосредственной форме, как будто бы здесь и не было никаких антиномий»¹³.

С точки зрения Лосева, мистический опыт в целом «по существу своему антиномичен», и в 1920-е годы в связи с имяславием философ ставил перед собой задачу создания или восстановления такой философии, «которая обеспечила бы разумное выведение мистических антиномий и их систематическую локализацию в сфере разума»¹⁴. Лосев утверждал: «...цель имяславия в диалектически-антиномическом выведении основных категорий: сущности, идеи и т.д. В качестве образца тут могут служить учение Плотина о трех мировых субстанциях или триадическая диалектика Прокла. Имяславие предстает здесь как строжайше выводимая система категорий, форма соединения которой с непосредственной мистикой молитвы является типичнейшим признаком могучих систем неоплатонизма. Новоевропейская метафизика в сравнении с ними – это жалкое вырождение как в отношении диалектики, так и в отношении мистики» [14, с. 16–17]. Исходя из этого «должны быть исключены как всякая формально-логическая система типа сенсуализма, рационализма, кантианства, неокантианства, аристотелизма и т. д., так и всякая абстрактно-метафизическая система картезианского, лейбницеанского, да и всякого другого спиритуалистического толка. Имяславие возможно лишь как строгий диалектический платонизм типа Плотина или Прокла» [14, с. 16]. По Лосеву, антиномией сущности и энергии можно овладеть тремя способами: мистически, научно-аналитически и философски через «диалектику *символа*»¹⁵.

¹² Тезисы «Диалектический метод» хранятся в личном архиве А.Ф. Лосева и готовятся к публикации П.В. Резвых.

¹³ См.: Лосев А.Ф. Самое само // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи; послесл. Л.А. Гоготишвили, В.П. Троицкого. М.: Мысль, 1994. С. 366 [13].

¹⁴ См.: Лосев А.Ф. Имяславие // Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита: с прил. пер. трактата «О Божественных именах» / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Изд-во Олега Абышко; «Университет. книга – СПб.», 2009. С. 16 [14].

¹⁵ См.: Лосев А.Ф. О сущности и энергии (имени) // Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита: с прил. пер. трактата «О Божественных именах» / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Изд-во Олега Абышко; «Университет. книга – СПб.», 2009. С. 88 [15].

Закономерно с такой точки зрения, что в книге «Владимир Соловьев и его время» Лосев противопоставляет Соловьева одновременно и Л.М. Лопатину с его спиритуалистической метафизикой, и Е.Н. Трубецкому с его рационалистической метафизикой: «... оба этих мыслителя не понимают того, что троичность и другие божественные тайны охватываются Владимиром Соловьевым не на путях формальной логики, но также и не на путях метафизического спиритуализма, а на диалектических путях антиномико-синтетического символизма. <...> Ведь все дело в том и заключается, что Вл. Соловьев диалектически отождествлял логический и спиритуалистический моменты в христианском учении о трех лицах Божества, то есть, выражаясь нашим языком, он признавал синтез, в то время как его интерпретаторы Е.Н. Трубецкой и Л.М. Лопатин признавали или один только тезис, или один только антитезис. <...> ... в учении о троичности у Е.Н. Трубецкого – рационалистическая метафизика, у Л.М. Лопатина – метафизика спиритуалистическая, а у Вл. Соловьева – и не рационализм, и не спиритуализм, а строжайшая динамическая диалектика антиномико-синтетического символизма, для которой и рационализм, и спиритуализм, и даже сама метафизика самое большее могут явиться (да и то не везде и не всегда) только подсобными и вполне абстрактными односторонностями» (с. 461–463).

Вместе с тем возникает неслучайный параллелизм между неожиданно вкрапленными в текст личными лосевскими воспоминаниями о полученном еще в студенческие годы «неоплатонически-шеллингианском образовании», противостоящем абстрактно-метафизическому спиритуализму Л.М. Лопатина, избегавшего «всякой церковности», и «всякого теоретического символизма» (с. 161), и «того направления мистицизма (неоплатонизм, шеллингианство)» (с. 138), к которому относит Соловьева Э.Л. Радлов, – знаменательно, что, приводя это суждение Э.Л. Радлова, Лосев с ним полностью солидаризируется. При этом в книге «Владимир Соловьев и его время» автор всячески подчеркивает, что и от Шеллинга, как и от неоплатоников, Соловьев, особенно в ранний период своего творчества, практически не зависел и его «чистейший неоплатонизм» был его собственным достижением, а не был «вычитан из Плотина, Прокла или Дионисия Ареопагита» (с. 152). То, что такой параллелизм присутствует в лосевском сознании неслучайно, подтверждает и близость характеристики, которую он дает Соловьеву в конце 1980-х годов, с собственной автохарактеристикой 1934 года. Чтобы это стало очевидным, приведем последовательно оба фрагмента.

О Соловьеве: «Он не был ни славянофилом, ни западником, а только постоянным искателем истины, нисколько не стеснявшим себя логическими противоречиями. Он не был ни консерватором, ни либералом, ни реакционером, ни революционером. Да в конце концов, можно сказать, что он не был ни идеалистом, ни материалистом. Везде это был только *соловьевец*, в котором уживались самые разнообразные антиномии, которые с обывательской точки зрения звучат как элементарные логические противоречия. Это же касается, в частности, и его религиозных взглядов, как теоретических, так и чисто личных» (с. 286) (курсив наш. – Е.Т.-Г.).

О себе: «Что же со мною делать, если я не чувствую себя ни идеалистом, ни материалистом, ни платоником, ни кантианцем, ни гуссерлианцем, ни рационалистом, ни мистиком, ни голым диалектиком, ни метафизиком, если даже все эти противоположения часто кажутся мне наивными? Если уж обязательно нужен какой-то ярлык и вывеска, то я, к сожалению, могу сказать только одно: я – Лосев! Все прочее будет неизбежной натяжкой, упрощенством и искажением, хотя и не так трудно уловить здесь черты длинного ряда философских систем, горячо воспринятых в свое время и переработанных когда-то в молодом и восприимчивом мозгу»¹⁶ (курсив наш. – *Е.Т.-Г.*).

Примечательно, что в пассаже из раздела «Вл.Соловьев и русский символизм», с которого мы начали разговор, Лосев использовал практически те же формулировки об антиномико-синтетической системе и антиномико-символическом мышлении, что и в 1920-е годы, говоря о «неоплатоническом латинстве» – о философии Николая Кузанского. И что еще существенней, в тексте 1920-х годов о Николае Кузанском, когда речь заходит о «первичном ядре диалектики», то есть об «антиномике и синтетике “одного” и “иного”, “бытия” и “небытия”, “сущности” и “явления”»¹⁷, мы встречаем почти буквально тот же пассаж, который затем возникает в книге о Соловьеве конца 1980-х годов (с. 580–581), но только в тексте 1920-х годов в нем прямо объясняется, о каком принципе идет речь и почему тут ничего нового изобрести нельзя: «Многие исследователи, изображая буддийскую Нирвану, неоплатоническое Единое или ареопагитское “Сверх”, думают, что эта антиномическая синтетика есть спецификум данной концепции. Это, конечно, не так. Все эти антиномии и синтезы суть принадлежность решительно всякой созревшей диалектики и решительно всякой концепции перво-принципа. Спецификум начинается совершенно в другой области, и вот его-то и надо уметь формулировать. Все эти спецификумы в свою очередь располагаются на протяжении истории в диалектическом порядке. И каждый раз обще-диалектическая структура получает совершенно особую окраску и ни на что другое не сводимую характеристику» [17, с.176].

Только в таком контексте становится понятен ракурс, который привлекает Лосева при рассмотрении русского символизма и Владимира Соловьева как мыслителя, из «философской шинели» которого вышли многие символисты: его интересует «спецификум» обще-диалектической структуры – категории перво-принципа – в русской мысли конца XIX – начала XX века точно так же, как его интересовал «спецификум» этой обще-диалектической структуры у Платона, Плотина, Дионисия Ареопагита, у неоплатоников раннего Возрождения, у Николая Кузанского, в немецком идеализме и романтизме или в «Капи-

¹⁶ См.: Лосев А.Ф. История эстетических учений. Предисловие // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение / сост. А.А. Тахо-Годи; послесл. В.В. Бычкова, М.М. Гамаюнова. М.: Мысль, 1995. С. 356 [16].

¹⁷ См.: Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 1 / отв. ред., сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 176 [17].

тале» Маркса. Тут не только интерес к стилю мысли, к типу диалектики, к судьбе неоплатонической триады, но, прежде всего, к личностно-историческому бытию и его диалектике, то есть, в лосевской терминологии, к диалектике мифа или к «диалектическому саморазвитию идеи»¹⁸, «общеисторической идеи»¹⁹, ибо для Лосева «мало ... просто реализма», а нужен «обязательно исторический реализм»²⁰. «Диалектическое саморазвитие единого живого телесного духа и есть последняя, известная мне реальность», – признавался философ [16, с. 343].

Отсюда становится ясно, почему, с лосевской точки зрения, у Соловьева «нигде и ни в чем нельзя найти никакой одной логически неподвижной понятийной системы или какой-нибудь схематической завершенности» (с. 285–286), так как нельзя вместить в окончательную схему реально протекающее в истории «диалектическое саморазвитие единого живого телесного духа»²¹. Как теперь очевидно, Лосев считает заслугой Соловьева именно то, что тот впервые в отечественной мысли попытался на адекватном философском языке дать «разумное выведение мистических антиномий», прежде всего антиномии «одного и иного», через диалектику всеединства, причем «пределный синтез представлялся ему в виде Софии» (с. 297). Если «Л.М. Лопатин и Е.Н. Трубецкой оба движутся вокруг да около соловьевской Софии, но оба в ней разбираются недостаточно, один – из-за своей рационалистической метафизики, другой – из-за своей метафизики спиритуалистической, а оба – из-за своего непонимания соловьевской динамической диалектики и антиномико-синтетического символизма» (с. 468), то для Лосева именно этот софийный идеализм Соловьева равен не меньше и не больше как «символической мифологии» (с. 297). При этом Лосев недаром полностью соглашается с Вячеславом Ивановым в том, что «для Соловьева весь этот символизм и есть самый настоящий реализм» (с. 591), потому что для него соловьевский символизм есть «просто учение о жизни и бытии, включая всю человеческую и всю космическую сферу, как о нерушимой и всеединой целостности» (с. 108).

Как представляется, именно с таких позиций, базируясь на диалектике символа, Лосев и диагностирует степень близости или отдаления конкретных русских символистов от идей Соловьева – будь это Александр Блок и Вячеслав Иванов, верно интерпретировавшие его личность и философию, или, искажавший его идеи, увлеченный социально-политической борьбой, Дмитрий Мережковский²², или поклонник философии Канта Аким Вольтинский, оказавшийся

¹⁸ См.: Лосев А.Ф. История эстетических учений. Предисловие. С. 338.

¹⁹ Там же. С. 339.

²⁰ Там же. С. 335.

²¹ Там же. С. 343.

²² Лосевские положения об отношении Мережковского к Соловьеву, высказанные в книге «Владимир Соловьев и его время», стали отправной точкой для одной из последних статей О.А. Коростылева (см.: Коростелев О.А. Круг Мережковских о Вл. Соловьеве до революции и в эмиграции // Соловьёвские исследования. С. 74–86).

«эпигоном символизма, а может быть, и настоящим его ренегатом» (с. 600). При этом рассмотрение проблемы «Вл. Соловьев и русский символизм» в заданном Лосевым еще в 1980-е годы ракурсе оказывается чрезвычайно актуально как для конкретных практик филологического анализа, так и для понимания еще далеко не всеми филологами осознаваемой «антиномической поэтики»²³ как принципиально важной черты символистского сознания в целом²⁴, а также ее конструктивной роли в дискурсе русского символизма в его двух изводах – литературно-художественном и философском.

Список литературы

1. Лосев А.Ф. Вл. Соловьев. М.: Мысль, 1983. 206 с.
2. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время / послесл. А.А. Тахо-Годи. М.: Прогресс, 1990. 720 с.
3. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М.: Молодая гвардия, 2000. 614 с.
4. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. 616 с.
5. Хоружий С.С. Проводы русского идеализма: Размышления на полях книги А.Ф. Лосева «Владимир Соловьев и его время» // Литературная газета. 1991. № 37, 18 сент. С. 13.
6. Рашковский Е.Б. Лосев и Соловьев // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 141–150.
7. Алексей Федорович Лосев: Библиографический указатель: к 120-летию со дня рождения / сост. Г.М. Мухамеджанова, Т.В. Чепуренко; отв. за вып. В.В. Ильина / под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого (Спецвыпуск Бюллетеня Библиотеки «Дом А.Ф. Лосева»). Вып. 17). М.: Дизайн и полиграфия, 2013. 344 с.
8. Корнилов С.В. Вл. Соловьев и его время в оценке А.Ф. Лосева // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 2(82). С. 22–34.
9. Червяков Н.А. Обзор XVIII Лосевских чтений «Поминайте учителей и наставников ваших...» (К 130-летию А.Ф. Лосева) // Срегенское слово. 2023. № 4. С. 135–151.
10. Зенкин К.В. Понятие художественного стиля в трудах А.Ф. Лосева // Лосев А.Ф. Учение о стиле / общ. ред. и сост. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи; вст. статья К.В. Зенкина. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. С. 7–22.
11. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. М.: Академический проект, 2017. 905 с.
12. Гравин А.А. *Самое само* как методологический и языковой принцип философии всеединства А.Ф. Лосева // Платоновские исследования. 2021. Вып. 14. Ч. 1. С. 215–225.
13. Лосев А.Ф. *Самое само* // Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность / сост. А.А. Тахо-Годи; послесл. Л.А. Гоготишвили, В.П. Троицкого. М.: Мысль, 1994. С. 299–526.

²³ Ср.: Гаспаров М.Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 434–458 (Сер. «Язык. Семиотика. Культура». Т. 2) [19]. За время, минувшее со времени первой публикации этой статьи М.Л. Гаспарова, появились десятки работ, посвященных проблеме антиномичности в совершенно различных сферах – от древнехристианской литургической поэзии и философии Средних веков и Нового времени до художественного мышления рок-поэтов, но исследователи уделяют русскому символизму минимальное внимание.

²⁴ Одним из немногих исключений являются работы Л.А. Гоготишвили о Вяч. Иванове (см.: Федотова С.В. Картография методологических подходов к феномену русского символизма (На примере творчества Вяч. Иванова) // Studia Litterarum. 2020. Т. 5, № 4. С. 48 [20]).

14. Лосев А.Ф. Имяславие // Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита: с прил. пер. трактата «О Божественных именах» / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Изд-во Олега Абышко; «Университет. книга – СПб.», 2009. С. 5–18.
15. Лосев А.Ф. О сущности и энергии (имени) // Лосев А.Ф. Избранные труды по имяславию и корпусу сочинений Дионисия Ареопагита: с прил. пер. трактата «О Божественных именах» / подгот. текста и общ. ред. А.А. Тахо-Годи. СПб.: Изд-во Олега Абышко; «Университет. книга – СПб.», 2009. С. 84–90.
16. Лосев А.Ф. История эстетических учений. Предисловие // Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение / сост. А.А. Тахо-Годи; послесл. В.В. Бычкова, М.М. Гамаюнова. М.: Мысль, 1995. С. 322–356.
17. Лосев А.Ф. Николай Кузанский в переводах и комментариях: в 2 т. Т. 1. / отв. ред., сост., вступ. ст., подгот. текста, коммент. Е.А. Тахо-Годи. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. 728 с.
18. Коростелев О.А. Круг Мережковских о Вл. Соловьеве до революции и в эмиграции // Соловьёвские исследования. 2018. Вып. 3(59). С. 74–86.
19. Гаспаров М.Л. Антиномичность поэтики русского модернизма // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 434–458 (Сер. «Язык. Семиотика. Культура». Т. 2).
20. Федотова С.В. Картография методологических подходов к феномену русского символизма (На примере творчества Вяч. Иванова) // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5, № 4. С. 38–65.

References

(Sources)

Collected Works

1. Losev, A.F. *Samoe samo* [Self Itself], in Losev, A.F. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow: Mysl', 1994, pp. 299–526.
2. Losev, A.F. *Istoriya esteticheskikh ucheniy. Predislovie* [The history of aesthetic teachings. Preface], in Losev, A.F. *Forma. Stil'. Vyraszhenie* [Form. Style. Expression]. Moscow: Mysl', 1995, pp. 322–356.

Individual Works

3. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie Istiny. Opyt pravoslavnoy teoditsei v dvenadsati pis'makh* [The Pillar and Ground of the Truth: An Essay in Orthodox Theodicy in Twelve Letters]. Moscow: Akademicheskiiy proekt, 2017. 905 p.
4. Gasparov, M.L. *Antinomichnost' poetiki russkogo modernizma* [The antinomianism of the poetics of Russian Modernism], in Gasparov, M.L. *Izbrannyye trudy* [Selected works]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 1997, pp. 434–458 (Ser. «Yazyk. Semiotika. Kul'tura». Vol. 2).
5. Khoruzhiy, S.S. *Provody russkogo idealizma: Razmyshleniya na polyakh knigi A.F. Loseva «Vladimir Solov'ev i ego vremya»* [Seeing Off Russian Idealism: Reflections on the Margins of A.F. Losev's book "Vladimir Solovyov and His Time"], in *Literaturnaya gazeta*, 1991, no. 37, 18 September, p. 13.
6. Losev, A.F. *VI. Solov'ev* [Vladimir Solovyov]. Moscow: Mysl', 1983. 206 p.
7. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Progress, 1990. 720 p.
8. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2000. 614 p.
9. Losev, A.F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and his time]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2009. 616 p.
10. Losev, A.F. *Imyaslavie* [Imyaslavie], in Losev, A.F. *Izbrannyye trudy po imyaslaviyu i korpusu sochineniy Dionisiya Areopagita: s pril. per. traktata «O Bozhestvennykh imenakh»* [Selected works on the name and corpus of the works of Dionysius the Areopagite: from the appendix of the translation of the treatise "On Divine Names"]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko; «Universitet. kniga – SPb.», 2009, pp. 5–18.
11. Losev, A.F. *O sushchnosti i energii (imeni)* [About the essence and energy (name)], in Losev, A.F. *Izbrannyye trudy po imyaslaviyu i korpusu sochineniy Dionisiya Areopagita: s pril. per.*

traktata «O Bozhestvennykh imenakh» [Selected works on the name and corpus of the works of Dionysius the Areopagite: from the appendix of the translation of the treatise “On Divine Names”]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Olega Abyshko; «Universitet. kniga – SPb.», 2009, pp. 84–90.

12. Losev, A.F. *Nikolay Kuzanskiy v perevodakh i kommentariyakh: v 2 t., t. 1* [Nikolai Kuzansky in translations and comments, in 2 vols., vol. 1]. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK, 2016. 728 p.

13. Takho-Godi, A.A., Takho-Godi, E.A., Troitskiy, V.P. (ed.) *Aleksey Fedorovich Losev: Biobibliograficheskiy ukazatel': k 120-letiyu so dnya rozhdeniya (Spetsvypusk Byulletenya Biblioteki «Dom A.F. Loseva». Vyp. 17)* [Aleksi Fedorovich Losev: Biobibliographic index: to the 120th anniversary of his birth (Spetsvypusk Biulletenia Biblioteki “Dom A.F. Loseva”. Issue 17)]. Moscow: Dizayn i poligrafiya, 2013. 344 p.

(Articles from Scientific Journals)

14. Chervyakov, N.A. Obzor XVIII Losevskikh chteniy «Pominayte uchiteley i nastavnikov vashikh...» (K 130-letiyu A.F. Loseva) [Review of the XVIII Losev readings “Remember your teachers and mentors ...” (To the 130th anniversary of A.F. Losev)], in *Sretenskoe slovo*, 2023 no. 4, pp. 135–151.

15. Fedotova, S.V. Kartografiya metodologicheskikh podkhodov k fenomenu russkogo simbolizma (Na primere tvorchestva Vyach. Ivanova) [Mapping out methodological approaches to russian symbolism (On the example of Vyacheslav Ivanov)], in *Studia Litterarum*, 2020, vol. 5, no. 4, pp. 38–65.

16. Kornilov, S.V. VI. Solov'ev i ego vremena v otsenke A.F. Loseva [VI. Solovyov and his time in A.F. Losev's estimation], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 2(82), pp. 22–34.

17. Korostelev, O.A. Krug Merezhkovskikh o VI. Solov'eve do revolyutsii i v emigratsii [Merezhkovskys' circle on Vladimir Solovyov before the revolution and in emigration], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2018, no. 3(59), pp. 74–86.

18. Rashkovskiy, E.B. Losev i Solov'ev [Losev and Solovyov], in *Voprosy filosofii*, 1992, no. 4, pp. 141–150.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

19. Gravin, A.A. Samoe samo kak metodologicheskii i yazykovoy printsip filosofii vseidinstva A.F. Loseva [Self Itself as methodological and linguistic principle of A.F. Losev's philosophy of all-unity], in *Platonovskie issledovaniya*, 2021, issue 14, part 1, pp. 215–225.

20. Zenkin, K.V. Ponyatie khudozhestvennogo stilya v trudakh A.F. Loseva [The concept of artistic style in the works of A.F. Losev], in Losev, A.F. *Uchenie o stile* [The Study on style]. Moscow; Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2019, pp. 7–22.